

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ В РИТУАЛЬНОМ «ФОРМИРОВАНИИ» МУЖСКОГО СТАТУСА НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ТРАДИЦИИ УКРАИНЦЕВ КАРПАТ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В последнее время в российской этнографии неоднократно поднимался вопрос о ритуальном формировании статуса в традиционной культуре восточнославянских народов¹. Анализ ритуалов социализации позволяет рассматривать статус не только как место человека в обществе, но и как его положение в традиционной картине мира². Целью моего доклада будет анализ ритуалов первого этапа социализации мужчины не столько как средства предопределения в новорожденном основных качеств социального статуса взрослого, но, в большей степени, как необходимого условия включения ребенка в структуру окружающего мира, установление связей между ним и отдельными ее компонентами. Особая важность в инвариантной модели данных ритуалов принадлежит ориентации новорожденного в системе пространственно-временных координат.

Началом ритуальной социализации можно считать традиционную регламентацию зачатия ребенка. Соблюдение родителями временных и отчасти пространственных запретов и ограничений при зачатии имело, по представлениям восточных славян, особое значение для формирования полноценного статуса будущего человека. Запреты были тесно связаны с организацией жизни общества в условиях циркуляции будничного («живого») и праздничного («мертвого») времени. Корреспондент Научного товарищества им. Шевченко П.Шекерик-Доникив писал о гуцулах: «Каждый чоловік и жин-

ка (или парубок и дивчина), которые любятя, если разумны, особо заботятся о том, чтобы не зачать ребенка калекой, поэтому не совокупляются в Великие главные годовые праздники и воскресенья, а также накануне их и в ночь с праздника на будни. В это время нельзя быть с женой, так как, если будет зачат ребенок, он будет калекой в наказание родителям»³. Другой корреспондент Товарищества А.Онищук отмечал, что на Гуцульщине ленивого и бездеятельного человека не винули; причиной его лени и черной меланхолии, из-за которых у него не ладилось хозяйство, считался недобрый час, в который зачала его мать⁴. Объединение в праздник человеческого и потустороннего миров, нарушение четкой организации человеческого мира, предопределяло неполноценность зачатого в это время ребенка, его статус не испытывал в своем начале организующей силы замкнутого и четко структурированного человеческого пространства, поэтому для него становилась невозможной правильная реализация программы статуса.

По представлениям гуцулов, как только начинались у «породили» родовые схватки, время приобретало особую значимость. Его характер непрерывно менялся в течение родов, минуты хорошие, счастливые, сменялись нехорошими и несчастливыми, и случай выбирал в калейдоскопе возможных судеб ту единственную, предначертанную именно этому ребенку.

П.Шекерик-Доникив записал подобное поверье о наделении новорожденного долей у гуцулов Косовского пов. (с. Головы и Красноилъе), но оно характерно и для других славянских народов в Карпатах. После прихода бабы-повитухи в дом роженицы двери и «поличне» окно запирали, а «застивне» окно прикрывали лишь чуть-чуть, чтобы через них вошли 12 судей и судили ребенку долю. Гуцулы верили, что судьи усаживались на подоконник «застивного» окна, как только женщина начинала рожать, и судили без остановки, до тех пор, пока ребенок не появлялся на свет. Каждый судья имел свою «филю» (из 12 черт – «филь», присутствующих ребенку), наступление которой оглашал остальным. Сначала говорил старший: «Если родится в этой филе, будет богач», – затем вещал следующий: «Если родится в этой филе, будет большой злодей», – и так все 12. «Филя» определяла то качество характера, которое должно было стать превалирующим в жизни новорожденного, и тем самым должно было предопределить его долю. Гуцулы верили, в какой момент человек родиться, таков он и будет, судьи предрекали, как он будет жить, как хозяйствовать, какой смертью умрет, они же назначали ему звезду на небе. С рождением ребенка суд заканчивался, и судьи уходили прочь⁵.

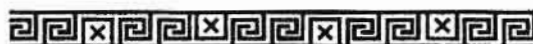
А.Онишук записал гуцульскую сказку, в одном из эпизодов которой также описывается момент приобретения доли в зависимости от времени рождения. В час рождения главного героя сказки в дом его родителей прилетели два ангела, один остался у окна, а другой вошел в дом, тот, что находился у окна, рассказывал другому, каким был бы ребенок, если бы родился в ту или иную минуту, и предсказывает в момент появления мальчика на свет, что он убьет своего отца⁶.

Так, время рождения становилось определителем судьбы. Но для того, что-

бы контакт между мирами (человеческим и потусторонним) в ситуации раскрытия границ, связанной с рождением ребенка, осуществился правильно, необходимо было соответственно организовать, сформировать пространство. Внутреннее, человеческое пространство дома становилось подчеркнуто замкнутым (запирались двери и окна), а контакт между мирами строго регламентировался: важность приобретала лишь одна из возможных точек, связываемых с иным миром, – «застивне» окно. Время не являлось в этот момент обычным, рутинным, человеческим, о его ходе и изменении оповещают представители иного мира, сам суд происходит на границе человеческого мира, при этом на время ложится отпечаток вечности, а внутреннее пространство становится центром мироздания. Характеристикой пространства, в которое приходит ребенок, оказывается состояние времени, через пространство устанавливается связь новорожденного с явлениями окружающего человеческого мира, а через время с вышними сферами, с потусторонним миром.

Новорожденный в традиционной культуре оказывается подчиненным состоянию времени и связанным с состоянием пространства. Благодаря этому, дальнейшие ритуалы при помощи словесных формул и предметов формировали каждую из составляющих полноценного мужского статуса (работник, хозяин, защитник, отец).

У гуцулов Косовского пов. после появления младенца на свет баба-повитуха, поблагодарив Бога за помощь, громко оповещала присутствующих о поле новорожденного, а затем, обращаясь к нему самому, прикрикивала, если это был хлопец: «Хлопчище, здоров расти теперь. Будь великий, не будь дикий. Да на много лет с помощью», – и крестила младенца три раза⁷. В Надвирнянском пов. (гуцульское с. Зеленец) баба-повитуха в

аналогичной ситуации трижды плевала на него и говорила: «Дай вам быть леги-ня»⁸. Этими словами она сообщала новорожденному о надлежащей ему роли и жизненном пути, и закрепляла свои пожелания первым крещением.

Следовавшие далее ритуальные действия устанавливали связь со сферами, в рамках которых должна была протекать общественная, семейная и хозяйственная деятельность мужчины. В Прикарпатье у подолян и у бойков, так же как и в других местах Украины, пуповину мальчика обрубали на топоре, чтобы он стал хорошим работником, аналогичное действие у гуцул Надвирнянского пов. Восточной Галиции должно было предопределить мужской пол следующего ребенка⁹. После отрезания пуповины младенца купали. На Буковине первой купели предшествовало символическое очищение после контакта с иным миром места, где проходили роды; внутреннее человеческое пространство отделяли от внешнего, потустороннего при помощи святой воды. Гуцулы верили, что нечистый до тех пор будет мучить и холодить «полежницу», пока баба не даст ей напиться «молитвенной воды» и три раза по солнцу не окропит этой водой жилище, а остатки вольет в купель для новорожденного¹⁰. Гуцулы Надвирнянского пов., чтобы младенец не был ленивым, купали его в корыте с холодной святой водой, в которую кидали деньги, шерсть, хлеб, желая наделить новорожденного богатством, а чтобы мальчика в дальнейшем любили девушки, в купель добавляли «ивановы травы» (собранные накануне Иванова дня) – барвинок и любисток (в парубочком возрасте легины использовали последний в любовной магии, подливая отвар любистка в питье своей избраннице), этой же цели служили календула, «арник» и хризантема¹¹. У бойков Прикарпатья в купель хлопчикам клали корень девясила, чтоб они росли

здоровыми, сильными, а также топор и сверло, чтобы были мастеровитыми¹², у верховинцев (бойков Закарпатья) – деньги и различные предметы мужской деятельности: топор дровосека, пастушеский бич, сворень с воза, дротарские инструменты, сеть, а рядом с купелью – книги, писчее перо¹³. Сходный обычай бытовал в начале нашего века у чехов с. Чайков области Текова: после купания хлопчику клали в руку клинец (или какой-либо другой инструмент), а также сделанную заранее маленькую валашку; инструменты должны были дать ему мастерство во владении ими, а валашка – силу и здоровье¹⁴.

Пространственная ориентация субъекта ритуала имела особое значение, когда стремились умерить одно и предопределить другое качество. В традиционной культуре муж как старший считался стоящим выше жены, поэтому, чтобы устранить возможный конфликт в семье из-за жестокого главенства мужа, в с. Зеленце Надвирнянского пов. повитуха после купания клала новорожденного мальчика на пол и легонько ногой дотрагивалась до его рта, чтобы он, когда вырастет, был мягким и добрым со своею женой, и только после этого она пеленала его в мужскую сорочку, чтоб имел мужскую крепость, был здоровым и сильным¹⁵. Движение сверху вниз в ритуале умеряло жесткость главенствующей роли, принижало ее.

Важным фактором, кодировавшим статус, являлось также горизонтальное деление внутреннего пространства дома на мужскую и женскую половины. При этом в ритуале использовались локативы, семантически связанные с будущим статусом новорожденного. В Подолии только что родившегося мальчика клали на лавку под иконами («на покутье»), на место главы дома, «щоб був начальником», а у украинцев южного Полесья под передний угол («покутя») закапывали

послед, чтобы парень, когда вырастет, хорошо хозяйствовал¹⁶. В некоторых случаях (например, при выходе с новорожденным из дома для крещения) символом мужского статуса выступал порог (символ внешнего мира, в котором осуществляется хозяйственная и обрядовая деятельность мужчины). По описанию П.Г.Чубинского, в Подольской губ. повитуха передавала кумам мальчика через порог, а девочку через гребень¹⁷.

Обязательное соблюдение в церкви во время крещения первенства¹⁸ во времени было залогом будущего усвоения младенцем качеств мужского статуса (в том числе и вторичных половых признаков). По представлениям, бытовавшим как у украинцев Карпат, так и в Подолии, при крещении (обряде миропомазания) происходила фиксация пола. В Подолии, если одновременно крестили нескольких младенцев, нельзя было миропомазывать девочек прежде мальчиков, иначе у них в будущем выросла бы борода. В народе также ходили рассказы, что священники имеют два рода миро, для мужчин и для женщин, и если священник ошибется и помажет девочку миром для мальчика, то у нее вырастит борода, а если мальчика миром для девочки, то у него бороды и усов никогда не будет. В диалекте бойков (Старосамборский р-н) существовало устойчивое выражение «хлопським миром мазана» («хлопськэй» – мужской, «чоловичий»), употреблявшееся по отношению к «усатой» женщине¹⁹.

Пространство, наделявшееся значением «центра мира» (будь то дом или церковь), в ритуале выступало замкнутым и четко структурированным. Поэтому организация его в соответствии с ожидаемым статусом, привнесение в него задействованных в ритуале предметов символов статуса, придавало его структуре вариант, соответствовавший сфере жизни определенного пола. Поэтому полноценный статус формировался не только ри-

туалом, но и организованным пространством дома (или церкви), пространством окультуренным человеком, отделенным от природы миром, в который входил еще аморфный ребенок. На первом этапе социализации пространство дома формировало его статус.

Правильная организация очеловеченного пространства поддерживалась путем соблюдения родителями и чужими, приходившими в дом, поведенческих запретов и следованием предписаниям в течение наиболее опасного для новорожденного периода. Наибольшее число запретов практиковалось только до крещения ребенка, но некоторые сохранялись на протяжении первых лет жизни.

Так как ребенок, по народным представлениям, еще не в достаточной степени принадлежал этому миру и сохранял связь с миром потусторонним, существовала необходимость обезопасить его от дезорганизующих воздействий внешнего мира, символически перекрывая «границу» между мирами. В течение года мать крестила от нечистой силы окна, двери и печь, а на ночь обязательно закрывала окна занавеской²⁰. Повсеместно бытовал обычай всю первую ночь (или до крещения) жечь в хате огонь – лучину или свечу («світло»), для того чтобы нечистая сила не подменила разум ребенку или не поменяла его бесенка («видміну»). Опасаясь этого, мать не должна была поворачиваться к ребенку спиной до тех пор, пока его не окрестят, а в течение 6 недель оставлять его одного в хате²¹. По данным, собранным в Левобережной Украине, результатом подмены могла оказаться перемена пола новорожденного. В Лубенской у. Полтавской губ. В.П. Милорадович записал следующий рассказ: «Перед Маланкою (день св. Маланьи, канун Нового года) родился хлопчик Василь. Баба пошла домой, а роженица потушила свечку и заснула. Баба пришла рано утром и увидела, что

ребенок превратился в девочку. Священник отругал бабу и окрестил ребенка Малашкой». О подобном случае, произошедшем в Киевской губ., рассказывал один из корреспондентов Российского Географического общества: «Рассказывают, что такие «обминки» оказываются младенцами другого пола»²². По этим свидетельствам, пол ребенка оказался зависимым от нарушения одной из составляющих окультуренного пространства, его освещения, свет не давал проникнуть в дом представителям иного мира, сохранял замкнутость пространства. Особо опасным оказалось несоблюдение этого правила в момент праздничного новогоднего объединения миров, смены женского времени (Маланья), на мужское (Василий).

Целостность пространства сохранялась и другим способом. У гуцулов, закарпатских русинов и многих других славянских групп Карпат, если ребенок еще не был окрещен, запрещалось что-либо давать взаймы из хаты, а особенно — огня, иначе в будущем могли произойти большие несчастья²³. Наиболее опасным временем опять становилось время после захода солнца, праздное, нечеловеческое.

Необходимость поддержания неизменности и целостности внутреннего пространства возникала и при посещении дома чужими людьми, которые могли ненароком сглазить ребенка, унести с собой его долю. Взаимоотношения младенца с внешним миром требовали для предотвращения несчастья возмещения со стороны чужаков. С другой стороны, их действия можно сравнить с ритуальным наделением новорожденного долей, качествами половозрастного статуса. У гуцулов все чужие, заходившие в дом, где только что произошли роды, должны были отдать что-нибудь свое, дать выкуп («окуп») на счастье. Если новорожденный был мальчиком, «окуп» должны были давать только мужчины, а если девоч-

ка — только женщины, если же они отказывались заплатить выкуп, их «фантовали» — забирали шляпу (кресаню) у мужчин и передник (запаску) у женщин, родители позднее возвращали вещи. Так делалось пока ребенка не покрестят²⁴. У русинов Закарпатья существовал похожий обычай, но он ограничивался первым вошедшим в дом мужчиной, именно ему грозило потерять свою шляпу (клебань), которую предстояло потом выкупать за литр паленки, поэтому мальчишкам и парням у дома, где только что родила женщина, говорили: «Не ходи туда, там отберут твой клебань»²⁵. Там же считали, что чужой, заглянувший в дом, должен обязательно немного посидеть, прежде чем уйти, иначе ребенок потеряет сон; для того, чтобы пришедший задержался, хозяева прятали его шляпу²⁶. По представлениям лемков, до трех месяцев никто, кроме матери и бабы-повитухи, не должен был дотрагиваться до новорожденного голый рукой, если же это случилось, то он должен был отдать волос или нитку, иначе мог сглазить ребенка²⁷. Даже смотреть на новорожденного пристально не разрешалось, тот, кто все же посмотрел, должен был сплюнуть на землю от сглаза²⁸.

С ростом ребенка защищающее его пространство постепенно расширялось. На самом раннем этапе его ограничивала колыбель или угол хаты, в котором помещалась постель «полежницы». У части карпатских украинцев (так же как у словаков) это пространство в течение нескольких дней (иногда до 6 недель, до момента вывода) отделялось от глаз посторонних покрывалом²⁹. В с. Ходовичах Стрыйского пов. у бойков И. Колессой был записан обычай прикреплять на внешней стороне покрывала «квитку» (букетик цветов и колосьев), если новорожденный — мальчик, или узелок с бусами («коралями»), если родилась девочка³⁰. В этом селе баба-повитуха снимала

покрывало на следующий день после крестин. О том, что покрывало служило символической границей между внутренним и внешним пространством, говорит факт его дальнейшего использования в погребальной обрядности: вымытого и одетого покойника клали на лаве под окном и накрывали его тем самым полотном, которым женщина заслоняла во время послеродового периода свою постель³¹.

Позднее пространство расширилось до предела дома. Ребенок покидал его, когда, научившись ползать, впервые перелезал через порог хаты и оказывался во дворе, выходил в жизнь. А.Онищук отмечал, как только родные заметят, что ребенок впервые во дворе, они кидали в

открытую дверь, ему во след какой-нибудь инструмент, соответствовавший мужским занятиям: топор, пилу, долото, косу и т.п., чтобы он, когда вырастет, стал хорошим работником³².

Таким образом, благодаря ритуалам первого этапа социализации, носитель статуса включался в устойчивую систему общественных и сакральных связей. Получая защиту внутреннего, очеловеченного, пространства, он сохранял обыденную стабильность и неизменность, а выходя за его границы или откликаясь на изменения времени, изменялся в соответствии с установленными социализацией сакральными связями.

¹ Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993; Байбури А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991. – С. 257–270, и т.д.

² Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990.

³ Шекерик-Доників П. Родина і хрестини на Гуцульщині (в с. Головах і Краснолі Косівського пов.) // Матеріали до української етнології (далее МУЕ/МУРЕ). – Т. 18. – Львів, 1918. – С. 88.

⁴ Онищук А. З народного життя гуцулів: Родина і хрестини гуцулів та дитина до шостого віку життя // МУРЕ. – Львів, 1912. – Т. 15. – С. 135.

⁵ Шекерик-Доників П. Родина... – С. 100.

⁶ Онищук А. Матеріали до гуцульської демонології // МУРЕ. – Львів, 1909. – Т. 9. – С. 13.

⁷ Шекерик-Доників П. Родина... – С. 102.

⁸ Онищук А. З народного життя гуцулів... – С. 96.

⁹ Богатырев П.Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Вопросы теории искусства. – М., 1971. – С. 252–253; Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. – СПб., 1877. – Т. 4. – С. 5; Онищук А. З народного життя гуцулів... – С.96, 98; Шухевич В. Гуцульщина: фізіографічний, етнологічний і статистичний огляд. Ч. 3 // МУРЕ. – Львів, 1902. – Т. 5. – С. 3.

¹⁰ В.М.К. Из буковинских карпатских гор // Наука. – Вена, 1889. – № 6–12. – С. 545.

¹¹ Онищук А. З народного життя ... – С. 97; Schneider I. Z kraju Nuculew // Lud. – Lwow, 1900. – R. 6. – S. 160.

¹² Бойківщина. – К.: Наук. думка, 1983. – С. 239.

¹³ Musinka M. Narodenie dietata u rusinskych presidlencov z Rumunska v cechach a na Morave // Cas zivota. – Brno, 1985. – S. 136.

¹⁴ Gellenova K. Zvyky pry narodení dietata z tekovskych «cilejarskych» dedin // Cas zivota. – Brno, 1985. – S. 157.

¹⁵ Онищук А. З народного життя гуцулів... – С. 97.

¹⁶ Ящуржинский Х. Поверья и обряды родин и крестин // Киевская старина. – 1893. – Т. XLII. – С. 76; Чубинский П.П. Труды... – Т. 4. – С. 6.

¹⁷ Чубинский П.П. Труды... – Т. 4. – С.9. Связь пола будущего ребенка с порогом также хорошо видна в черногорском поверье, по которому одной из причин того, что у женщины не было сыновей, а рождались одни дочери, называли заколдованный во время свадьбы порог дома. (См. Фрилей Влахити. Современная Черногория. – СПб, 1876. – С. 71.)

¹⁸ Церковь в народном сознании наделяется семантикой центра мироздания, поэтому она отражает структуру мира, а традицией предписывалось первое место в половозрастной иерархии мужчине. Во время службы мужчинам принадлежало наиболее важное место в церкви, у алтаря, они первыми (в некоторых случаях наоборот – последними) исповедовались и причащались.

¹⁹ Кузеля З. Дитина в звичаях і віруваннях українського народу // МУРЕ. – Львів, 1906. – Т. 8. – С.6; Талько-Гринцевич Ю.Д. Народное акушерство в Южной Руси. – Чернигов, 1889. – С. 95; Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. – К., 1984. – Ч. 2. – С. 341.

²⁰ Онищук А. З народного життя гуцулів... – С. 101; Кузеля З. Дитина... – Т. 9 (1907). – С. 4.

²¹ Долинский С. Этнографические заметки, собранные в м. Загниткове Ольгопольского у. // Подольские епархиальные ведомости. – 1885. – № 36. – С. 734; Онищук А. Матеріали... – С. 35; Милорадович В.П. Народные обряды и песни Лубенского у. Полтавской губ., записанные в 1888 – 1895 гг. – Харьков, 1897. – С. 22; Кузеля З. Дитина... – Т. 9 (1907). – С. 62.

²² Милорадович В.П. Народные обряды... – С. 22; Зеленин Д.К. Описание рукописей архива РГО. – Пг., 1915. – Т. 2. – С. 613.

²³ Онищук А. З народного життя гуцулів... – С. 99; Е.Ф. Об угроруссах... – С. 20.

²⁴ Шекерик-Доників П. Родина... – С. 104.

²⁵ Жаткович Ю. Угорские русины // Этнографичній збірник. – Львів, 1898. – Т. 2. – С. 21.

²⁶ Е.Ф. Об угроруссах // Наука. – Год XXII. – Вена, 1893. – № 1. – С. 20.

²⁷ Musinka M. Narodnie dietata... – S. 137. Подобный обычай существовал у польских горалей:

«Если кто-нибудь приходил посмотреть на новорожденного, уходя должен был оставить одну нитку из своего костюма, которую прикрепляли к колыбели, чтобы сон ребенка был добрым и спокойным. (См. Hermanowicz-Nowak K. Stroj gorali Beskidu Siaskiego. Funkcje spoleczno-kulturowe. – Warszawa, 1997. – S. 77.)

²⁸ Е.Ф. Об угроруссах... – С. 20.

²⁹ Кузеля З. Дитина... – Т. 8. – С. 17.

³⁰ Kolessa J. Narodziny i chrziny, wesele i pogrzeb u ludu ruskiego na wsi Chodowicach w pow. Stryjskim // Zbior wiadomosci do antropologii krajowej. – Krakow, 1889. – Т. XIII. – Z. 3. – S. 118.

³¹ Musinka M. Narodnie dietata... – S. 139; Kolessa J. Narodziny i chrziny... – S. 147.

³² Онищук А. З народного життя гуцулів... – С. 112.

